

На манжетах доктора Августина Лоуренса виднелись пятна крови, макинтош не выдержал напора плотной мороси. Доктор выглядел промокшим, несчастным и напуганным.

И все из-за нее.

Джейн Шорингфилд посмотрела на доктора с едва уловимым превосходством. Она выйдет замуж за этого человека, если он сделает предложение, разумеется. Если удастся подвести его к этому решению.

Лоуренс застыл у дверного проема кабинета ее опекуна, Джейн сидела за столом, но тоже выглядела одеревеневшей. Даже издали было заметно, что она выше доктора на несколько сантиметров, что его темные, густые, слегка волнистые волосы подернулись сединой на левом виске, темно-зеленые глаза широко распахнуты, взгляд почти кроткий и грустный — возможно, ложное впечатление из-за освещения.

Джейн и не ожидала, что Лоуренс красив.

— Доктор!

Из коридора прогремел голос опекуна, и мужчина, вздрогнув, повернулся.

— Мистер Каннингем, — приветствовал он. — Простите, кажется, я потерял из виду вашу горничную и вот сам...

— Неважно, важно. Хорошо, что вы пришли! Я, честно признаться, боялся, вы передумаете.

Джейн не видела мистера Каннингема, но четко представляла: седые волосы зачесаны назад, красивый, но удобный костюм, выразительные карие глаза, сам невысокий и худощавый — пожалуй, даже слишком для обладателя недюжинной харизмы и голоса превосходного оратора.

— Боюсь, мне едва ли удастся составить вам хорошую, даже сносную компанию. — Осторожно, будто с опаской, доктор бросил на нее взгляд. — Много вызовов на дом. И я был в операционной, не мог прерваться.

Ясно, почему манжеты в таком состоянии и почему доктор не мог прийти раньше. Джейн посмотрела на часы и поморщилась. Прошел уже час. Джейн заставляла себя не смотреть. Не была готова. Она еще сидела в очках и всей кожей ощущала пятно от чернил на виске. На столе лежали бухгалтерские книги мистера Каннингема.

Она в целом не могла произвести хорошее впечатление, и дело не только в костюме.

— Прошу вас, не беспокойтесь. — Мистер Каннингем приближался, но Джейн все еще не видела его. — Мы не ждем романтических ухаживаний.

Щеки доктора порозовели.

— Я понимаю, я немного подумал и пришел к выводу, что должен...

— Прежде чем вы продолжите, — перебил его Каннингем, — хочу отметить, что вы еще не слышали доводов Джейн. А послушать стоит.

Именно мистер Каннингем на прошлой неделе завел по ее просьбе разговор об их возможном союзе: в тот день, когда доктор зашел проверить его легкие перед значительным событием — переездом Каннингемов в Камхерст, столицу Великой Брелтании, до которого от Ларрентона день пути

верхом. Неважно, как опекун сформулировал свое намерение, — ему явно удалось, раз доктор пришел.

Выглядел он бледным и, казалось, нервничал. И будто мечтал поскорее сбежать.

— Прошу, позвольте мне объяснить, — заговорила Джейн, радуясь тому, что голос звучал уверенно и гораздо громче шепота.

Доктор повернулся к ней и, кажется, хотел что-то сказать или возразить, но сдержался.

Раздался смех мистера Каннингема, и наконец появился он сам.

— Теперь понятно, что вас задержало.

— Прошу простить... я вовсе не хотел... подглядывать, — забормотал доктор Лоуренс и склонил голову. — Мисс Шорингфилд.

— Доктор Лоуренс, — кивнула она в ответ. — Вы позволите мне изложить свои доводы?

Доктор перевел взгляд с нее на мистера Каннингема и отшатнулся — рефлекторный жест загнанного в угол животного.

Она все сделала неверно: следовало выбрать другое место и время для встречи, подошла бы гостиная, как и советовала прошлым вечером миссис Каннингем. Что ж, ничего не поделаешь. Все уже собрались, и собрались здесь.

«Помогите мне», — мысленно обратилась она к мистери Каннингему.

— Бренди? — предложил тот, чувствуя ее отчаяние. — Прошу, оно на барном столике.

Каннингем, посмеиваясь, удалился.

Джейн и доктор смотрели друг на друга, разделенные пространством кабинета. Джейн указала на кресло, стараясь быть гостеприимной. Поколебавшись, Лоуренс наконец неуверенно шагнул внутрь помещения, но остался стоять. Джейн спешно отвернулась и принялась наполнять стаканы.

Действуя машинально, она сосредоточилась на построении логичной цепочки доводов; следовало выбрать один, самый общий, не акцентировать внимание на частностях в ее непростой ситуации.

— Брак по большому счету — деловое соглашение, не имеющее отношения к сердцу и душе, — заговорила она, не оборачиваясь. — Лучше обозначить это в самом начале.

Даже в том, как он выдохнул, она почувствовала страх.

Все это слишком. Но она не знала, как еще подойти к сути. Шанс на знакомство по правилам и этикету упущен.

Не разворачиваясь к гостю, Джейн закрыла графин пробкой и продолжила:

— Я тщательно обдумала возможные для нас варианты, доктор Лоуренс. Опустим танцы, на которые у вас, как я полагаю, нет времени, и воспоминания о знакомых из детства, которых я не видела много лет. Получается, что у нас немного вариантов сценария для ухаживания. Предлагаю вернуться к нашим общим целям.

Она напряглась, опасаясь услышать удаляющиеся и набирающие темп шаги. Нет, ничего похожего.

— Общим? — переспросил он. — А какие у нас могут быть общие цели? Мы прежде не встречались.

Кажется, это прозвучало без насмешки или желания уколоть, скорее с настороженностью и любопытством. Стиснув стакан, Джейн резко повернулась, обошла стол и подала бренди с почтительного расстояния. Доктор осторожно взял стакан, старательно избегая прикосновений к ее пальцам.

— Мы оба достигли того возраста, когда наше одиночество вызывает вопросы. Мужчина с вашей внешностью и положением мог бы заполучить в жены любую девушку. Но вы холосты. По какой-то причине вы избегаете нормального брака, однако и мне он не нужен.

Джейн не сводила с доктора глаз, пытаясь понять, как онотреагирует. Сначала глаза вспыхнули — как ей показалось, от желания, — но быстро приобрели прежнее испуганно-настороженное выражение.

В чем же причина?

Джейн глотнула бренди, стараясь скрыть беспокойство.

— Я не могу на вас жениться, — произнес доктор.

Горло сдавило.

— Я никоим образом не хочу вас оскорбить, мисс Шорингфилд, — добавил он спешно, — но мне не нужна жена. Никакая.

— Но ведь вы не женаты, — смутившись, сказала Джейн.

— Не женат, — подтвердил он, и челюсти сжались, пока он обдумывал следующие слова. Взгляд изменился и уже не казался испуганным. Он стал глубоким, обращенным внутрь, словно к какой-то глубинной боли. — Прошу вас, мисс Шорингфилд. Я понимаю, вы хорошо все продумали, но ваши старания напрасны, и мне не хотелось бы доказывать это, поэтому скажу сразу, что не могу принять ваше предложение.

В такой ситуации самое правильное — вежливо извиниться, смириться с отказом и успокоиться. А потом перейти к следующему кандидату из списка мужчин, отвечающих ее требованиям, и надеяться, что он окажется сговорчивее. Джейн следовало сесть в кресло и улыбнуться, но она отчетливо понимала, что не в состоянии сделать ни того ни другого.

— Нет, доктор Лоуренс. — Она сильнее сжала стакан. — Это я вас *прошу*.

Он кивнул и не поднял головы.

— Мои родители умерли, когда я была совсем маленькой, тогда во время войны ружкане применили в Камхерсте газ. — Джейн замолчала, пытаясь унять дрожь в руках.

Не стоило ей касаться этой темы, она никогда и ни с кем не говорила о родителях. Однако признание подействовало. Лоуренс поднял подбородок и озабоченно сдвинул брови. Это подтолкнуло Джейн к действию.

— Они оставили меня на попечение мистера Каннингема, я также получила годовую ренту на содержание. Здесь, в Ларрентоне, суммы вполне хватало для покрытия моих расходов, даже после достижения брачного возраста. Однако приданого у меня нет. А теперь Каннингема в течение месяца должны переехать в Камхерст.

Джейн тщательно следила за голосом, стараясь не выдать эмоций.

— Если бы я решилась отправиться с ними, как они и настаивали, мои расходы превысили бы сумму ренты, даже если бы я отказалась появляться в обществе. Между тем это совершенно невозможно, если учесть, что мистер Каннингем получил должность судьи.

Мысль о том, что придется жить среди испещренных снарядами старых зданий и новых, построенных на замену разрушенным, пугала. Однако это слишком личное, чтобы поделиться с доктором.

— Они готовы доплачивать, но я не могу им позволить.

Мысли роились в голове доктора.

— Но вы не можете остаться здесь, будучи не замужем, абсолютно одна...

— Именно. Мне нужен муж, если я хочу остаться; иначе все будет даже сложнее, чем в столице.

Он помолчал, покачал головой и потом вновь поднял на нее глаза.

— Я понимаю ваше положение и сочувствую, мисс Шорингфилд, но ведь существуют и другие варианты. Определенно существуют. Вы... — На щеках его вновь заиграл румянец, как тогда, когда он смотрел на нее, склоняя голову

в дверной проем. Страх. Страх, вызванный ее предложением. Над ним словно навис меч, который опустится, если он ответит отказом. Сейчас Джейн казалось, что природа стала иная, не такая, как ей показалось сначала.

Доктор глотнул, дернув кадыком.

— Я уверен, вам не составит труда найти подходящего мужа.

— Вы идеально подходите на роль моего мужа. — Она собралась с силами и шагнула вперед. Они были теперь так близко, что слышалось его дыхание. Из глаз исчезла настороженность, и они стали привлекательнее. — Нет, я не прошу вас о милости, доктор Лоуренс. Вы можете использовать мои навыки.

— Навыки?

— До пятнадцати лет я училась в Школе для девочек Шарптон. Последние шесть лет занималась бухгалтерией мистера Каннингема. Также я веду журнал учета, работаю с банками, помогаю начислять и взыскивать налоги. Полагаю, в офисе врача пригодится человек с моими способностями.

От удивления он резко вздохнул.

— Вы предлагаете мне сделку?

— Полагаю, финансовое положение мое уж не так хорошо, чтобы брак был вам выгоден, но я человек организованный, умею систематизировать документы и хорошо знаю математику. Я могла бы заняться этим, а вы сосредоточитесь на медицине.

— Но вам ничего не известно о жизни врача, бизнесе или медицине.

— Я научусь, я хочу учиться.

Доктор отпрянул, ошеломленный, однако осторожно продолжил:

— Но медицина — это кровь, боль, ужас. Это тяжелый мир. — В его словах сквозило не предупреждение. Скорее

желание проверить ее реакцию или, возможно, подтолкнуть к действию. — Для этого необходимо призвание, а не просто навыки.

— Ваше призвание медицина, а *мое* — бухгалтерия. Остальное я выучу потом, главное — прийти к соглашению в целом.

— Жизнь ваша будет незавидной. Меня часто не бывает дома. Добавим еще ночные вызовы и...

— Но ведь это будет деловое соглашение, — прервала она его речь. — Я ничего не имею против частых отлучек и не стану предъявлять претензии. Вы мне подходите.

Она старалась увести разговор от профессионального аспекта к бытовому, и ей удалось. Теперь она смотрела на него, затаив дыхание.

Доктор глотнул бренди, завел глаза наверх, потом перевел на Джейн.

— Вы будете все время одна, — сказал он. — Я провожу ночи в семейном поместье, в нескольких километрах от города. У меня есть условие: вы никогда не должны там появляться.

От чувства облегчения колени подкосились. Он все же размышляет над ее предложением, не отверг сразу, на этот раз нет. Она заставила себя улыбнуться, хотя едва держалась на ногах.

— Как я уже сказала, вы *во всем* мне подходите.

Судя по тому, как он нахмурился, она снова его удивила.

— Вы знали?

— До меня дошли слухи.

Он практиковал в Ларрентоне чуть более двух месяцев, да и Джейн не была сплетницей, но Каннингемы что-нибудь да знали о каждом жителе города.

— Вы наняли посыльного, который вас находит. Большинство людей до сих пор уверены, что причина в частых

ночных вызовах. И лишь некоторые обратили внимание, что между звонком и вашим приездом проходит какое-то время, в любом случае приходится ждать.

— Вы наблюдательны, — отметил доктор, и она рассмеялась.

Эти новые звуки изменили его окончательно. Страх исчез, и в следующее мгновение он посмотрел на Джейн, расправив плечи.

— Мне не следует вступать с вами в брак, — повторил он скорее для проформы.

— Дайте мне шанс. Позвольте доказать свою пользу. Я приму все условия, если вы ответите тем же.

Поразмыслив несколько мгновений, он кивнул.

— Хорошо. Приходите в клинику. Прежде чем принять окончательное решение, которое обяжет нас обоих, изучите все вблизи. Вы поймете, что в моей работе много крови и сложностей. Она очень сложная.

— Когда я могу прийти?

— Завтра, но не ранним утром. Наденьте то, что не жалко испачкать. Необходимо заняться личными папками пациентов, финансовыми документами, а также отвечать на звонки. Возможно, придется стать кем-то вроде медсестры, если пациенты обратятся в мое отсутствие.

— Да, конечно, завтра я непременно приду, доктор Лоуренс. И постараюсь проявить себя с лучшей стороны. А вы можете делать что пожелаете, чтобы отпугнуть меня и заставить изменить решение.

Джейн быстро шагала к дому в центре города, где располагалась клиника доктора Лоуренса, от нее не отставала служанка Каннингемов Екатерина. Джейн общалась с ней с удовольствием, хотя больше слушала, чем говорила. Девушка жила в Камхерсте, потом переехала в Ларрентон, очень радуясь повышению в должности. Джейн ее понимала — не каждый в городе доверится ружканской девушке даже спустя столько лет после войны, — но сейчас изобразить интерес к разговору не получалось. Джейн не могла думать ни о чем ином, кроме доктора Лоуренса и его клиники.

Вчера вечером он, кажется, ей поверил, услышав истинные причины ее желания. Это хорошо. Миссис Каннингем, например, утверждала, что большинство мужчин не приняли бы ее идею брака как делового соглашения, исключающего интимные отношения между супругами. Однако доктора Лоуренса подкупило именно это. Просто чудо из чудес!

Когда Джейн поняла, что замужество — единственный способ остаться в городе, то дала себе слово, что согласится только на условиях, позволяющих сохранить определенную

дистанцию с мужем. Она ожидала от него учтивости, пусть и с оттенком безразличия, но точно не навязчивых прикосновений и целого выводка детей. Она создана не для близости, а для работы с числами. И для работы в целом.

Ее опекуны Каннингема устроены иначе. При ней они держались вполне благопристойно, но нельзя было не заметить, какие взгляды бросал на жену мистер Каннингем, как они — словно невзначай — касались друг друга, встречаясь в коридоре. Они взяли Джейн в дом в разгар войны по просьбе ее родителей. Собственный младший ребенок пары был уже почти взрослым, а они сами влюбленными, как в юности. Джейн восхищалась этим, хотя понимала, что ее шансы на подобные отношения ничтожно малы. Она не умела выстраивать эмоциональные связи, которые становятся основой привязанности. Нет, традиционный брак не для нее. Она бы постоянно испытывала волнение, неловкость и досаду.

И все же выйти замуж было необходимо. Ей повезло, что нашелся мужчина, готовый позволить ей остаться самой собой. К тому же доктор Лоуренс жил далеко от города и нуждался в человеке, работающем с документами и бухгалтерией.

Несмотря на то что ему немного за тридцать, что он врач с частной практикой и весьма хорош собой, у него, как оказалось, тоже есть причины считать фиктивный брак вполне приемлемым для себя. Таким образом, они находились в равных условиях, сделка их взаимовыгодна.

— Мисс Шорингфилд! — крикнула сзади Екатерина. Джейн обернулась через плечо. Каким-то образом ей удалось оторваться от Екатерины на значительное расстояние, а ведь они миновали всего несколько улиц. Джейн дождалась, когда служанка подойдет ближе, и приготовилась

извиняться. — Выглядите взволнованной сегодня, мэм. — Щеки ее пылали.

Екатерина поступила на службу к Каннингемам шесть месяцев назад, но довольно быстро освоилась. Будь у Джейн другой характер, они могли бы сблизиться с милой и добродушной Екатериной, стать почти как сестры. Но Джейн не умела дружить. Вежливая, приветливая и старательная в работе, в личной жизни она тяготилась общением и светскими разговорами. Дружба давалась ей нелегко.

— Полагаю, — начала Джейн, сбавляя темп, — в клинике тебе все покажется скучным.

— О, я и не собиралась идти туда с вами, — весело отмахнулась Екатерина. — Отправлюсь за покупками, а потом провожу вас домой.

— Хорошо, — ответила Джейн.

Молодой обеспеченной женщине необходим сопровождающий, хотя мир остальных людей значительно изменился за последнее десятилетие. К тому же ей предстоит деловая встреча, а не свидание.

Девушки миновали еще несколько улиц. Между домом Каннингемов и клиникой доктора располагались в основном частные дома с магазинами на первом этаже. Одни старые, прошлого века, а то и позже, другие новые — не каменные или кирпичные, а бетонные и без мозолящих глаз обветшалых статуй-оберегов у окон и дверей.

Над входной дверью Каннингемов тоже висела голова с крыльями. В детстве Джейн смотрела на нее как замороженная: голова напоминала о резных водосточных трубах в ее доме в Камхерсте, — правда, те были покрашены, а деревянная голова покрыта лаком.

Джейн с Екатериной свернули за угол и вышли на одну из главных улиц Ларрентона с оживленной в такой погожий день торговлей. Фермеры и лавочники предлагали товары

многочисленным покупателям, как местным, так и заезжим. Ларрентон — небольшой город (одного врача достаточно), но все же процветающий.

К зданию на противоположной стороне подъехала переделанная под катафалк монастырская карета, из нее вышли несколько монахинь в черных одеяниях и направились к дверям пансиона.

Несколько мгновений Джейн наблюдала за их уверенной поступью, полы одежды развевались при каждом шаге. Если бы ее не взяли к себе Каннингемы, сейчас она могла быть одной из них. Сейчас монашествующие все меньше посвящают время молитвам и служению, а занимаются усопшими и опекают детей-сирот. Возможно, такая жизнь ей бы понравилась.

Екатерина, не обращая внимания на женщин, шла вперед. Джейн прибавила шаг, чтобы сократить расстояние между ними.

Вскоре девушки остановились у клиники доктора Лоуренса. Джейн медленно подошла к двери и повернулась к служанке.

— Вернешься через несколько часов? Полагаю, к этому времени я закончу.

По крайней мере, с привычной частью работы.

— Да, мэм. — Екатерина кивнула и поспешила обратно на оживленную улицу. Джейн проводила ее взглядом и переключилась на дверь.

Порог без ступенек, чтобы легче заходить больным и увечным. Высокий и широкий проем, дверь выкрашена красным, в тон кирпичным стенам. Над дверью голова с крыльями, как у Каннингемов, только с переплетенными ветками лавра и полустертыми, почти нечитаемыми надписями. Старое здание, принадлежавшее предыдущему доктору предыдущей эпохи со всей ее историей.

Доктор Лоуренс молод, он получил образование в Камхерсте и наверняка свободен от всяких суеверий. Интересно, велит ли он все это снять и закрасить?

Проверив, не выбилась ли прядь из-под черной широкополой шляпы, Джейн постучала.

Через мгновение дверь отворил пожилой привратник, возможно в прошлом чернорабочий или борец. Коренастый и мускулистый, с широким и грубым шрамом с одной стороны щеки, искажающим черты лица.

Мужчина улыбнулся, щеки порозовели от прохладного воздуха. Вероятно, у нее самой покраснел кончик носа.

— Мисс Шорингфилд? — спросил мужчина.

— Да. — Удивительно и приятно, что к ней обращаются по имени. — Доктор просил меня помочь ему сегодня.

Привратник отступил, жестом приглашая войти.

— Он заканчивает дела наверху. Просил передать, чтобы вы чувствовали себя свободно и огляделись, только ни к чему не прикасались в операционной. У меня есть чай, если не хотите сразу погружаться в работу. Посыльный из мясной лавки утром принес колбасу. Позвольте ваши пальто и шляпу?

Джейн улыбнулась в ответ, чувствуя, что заражается его приподнятым настроением.

Доктора Лоуренса в городе считали человеком спокойным и сдержанным, замкнутым, но в целом добрым и располагающим к себе. Неудивительно, что и его сотрудник обладал вполне приятными качествами.

— О, благодарю, но не думаю, что стоит сейчас подбрасывать в желудок топлива, — ответила Джейн, прошла в дом и, расстегивая бордовое пальто, огляделась, затем передала вещи привратнику.

Она старалась не обращать внимания на тошнотворный запах, но желудок предательски сжался. Книжки. Она

предпочитала иметь дело с ними, а не с кровью. Но ведь большинство людей приходят сюда с несварением желудка или схожими проблемами, ее задача — лишь усадить их и найти папку с историей болезни. Тем же, кому совсем плохо, будут вызывать врача на дом.

Так, по крайней мере, она полагала.

— Как вас зовут? — Она повернулась к привратнику.

— Мистер Лоуэлл, — кивнул тот.

— И вы привозите доктора, когда он за городом, верно?

— Да, и еще я помогаю перевозить тяжелых пациентов, слежу за продуктами на кухне и всякое прочее. Хм, возможно, в будущем обязанности по кухне вы возьмете на себя.

— Он так сказал? — Джейн покраснела.

Мистер Лоуэлл усмехнулся.

— В некотором смысле. Да уж, честно говоря, не думал, что он почувствует к кому-то симпатию.

Симпатию? О нет. Живот снова отреагировал, но как-то иначе, и Джейн прижала к нему ладони, желая немного успокоить. Мужчина метнул взгляд на руки, и Джейн, невольно покраснев, опустила их. Нельзя давать повод для сплетен о причинах ее появления здесь.

— Признаюсь, прошлым вечером мы встретились впервые.

— Неужели?

Где установить границы откровенности? Он явно не в курсе, что она собирается замуж за Лоуренса, но теперь знает, что ребенка она не ждет, по крайней мере от доктора. Пожалуй, этого достаточно.

— Да, весьма странно. Я даже не помышляла, что стану медсестрой.

Джейн прошла немного вперед. Лучше всего сменить тему.

— Рабочий кабинет доктора на этом этаже?

— Да, первая дверь направо.

— Могу я войти?

— Он предупредил, сказал, что вы просмотрите книги учета.

Джейн едва сдержала улыбку. Его предусмотрительность — хороший знак. Приятно ощущать, что тебя ждали. Хочется верить, это так. Возможно, мистер Лоуэлл подозревает, что их отношения не ограничиваются рабочими, мужчину несложно заподозрить в привязанности, если он предугадывает желания молодой женщины.

— Благодарю, мистер Лоуэлл. Дальше я справлюсь сама. Не буду более вас задерживать.

— Все в порядке, мисс. — Мужчина поклонился и направился к входу, видимо, в операционную. Запах стал резче, но, к счастью, дверь быстро захлопнулась.

Джейн прошла по коридору. Пустые, как ни странно, стены, без портретов, лишь пара пейзажей около комнаты ожидания. Потом Джейн заметила несколько фотографий в рамках, изображение было нечетким, пришлось подойти ближе. Она несколько секунд озадаченно разглядывала картину на первом фото, затем решительно прошла к кабинету доктора Лоуренса.

Дверь была открыта. Внутри ничем не примечательное и чистое помещение. На огромном столе — беспорядок из бумаг (куда хуже, чем у мистера Каннингема), но в остальном ни соринки, ни пятнышка. Перед столом — пара стульев, у дальнего окна — массивное кресло с приподнятой подушкой для ног. Стены и здесь голые, за исключением нескольких полок с книгами за рабочим столом.

Джейн надела очки и принялась разбирать бумаги. Вскоре она заметила в верхнем правом углу каждого листа

пометки крупными буквами. В ящиках она обнаружила папки с именами — видимо, истории болезней — и стопку бланков.

Ага. Окинув стол взглядом еще раз, Джейн отметила, что перед ней не просто листы, а те же бланки, аккуратно заполненные. Нет сомнений, доктор создал систему хранения информации и позже переносил на бланк записанное наспех. Довольно умно, ей будет проще.

К системе предстоит привыкнуть. Поразмыслив, Джейн принялась укладывать листы в аккуратные стопки, подняла несколько, ускользнувших на пол, и уже пожалела, что отказалась от чая, когда услышала деликатное покашливание.

— Доктор Лоуренс. — Джейн встала и потупила взгляд. Отчего-то ей стало стыдно, будто ее застали подглядывающей в ванной комнате.

Доктор совсем не выглядел недовольным или раздраженным. Пройдя к столу, он посмотрел на стопки собранных бумаг.

— Что ж, ваши навыки весьма полезны. Гипотетически. Если вас не испугало увиденное.

— Нет, разумеется. — Она пожала плечами. — Где найти журнал учета? Я о счетах пациентов.

— У меня его нет.

Джейн взгляделась в его лицо и нахмурилась.

Он поспешно поднял руки.

— Я собирался завести. Счета выставляются в конце года, я собирался просмотреть истории болезней и все подготовить.

— И это отличный способ потерять деньги, ведь получить с людей удастся не все. К тому же следует регулярно пополнять запасы медикаментов и расходных материалов. У мистера Каннинггема статей расходов гораздо меньше,

но он выставляет счета каждые два месяца. Я настаивала, чтобы данные в журнал заносились ежедневно, это упрощало работу и позволяло точнее вести учет. Мистер Канингем возмутился, что приходится записывать каждый шаг, но, уверяю вас, в вашем случае все будет предельно просто.

Лоуренс несколько мгновений смотрел на нее во все глаза, затем неуверенно произнес:

— Вы действительно в этом разбираетесь? В таких непохожих вещах?

— Непохожих, но нередко связанных.

Джейн покраснела от гордости и, желая это скрыть, развернулась и отошла к другому краю стола.

— У вас есть хотя бы список прописанных вами медикаментов?

— Они в досье пациентов.

— Я имела в виду отдельный список по порядку. Как же вы ведете учет на складе?

Лоуренс вскинул бровь.

— По старинке полагаюсь на глаз.

— Совсем не годится.

— Ассистента у меня никогда не было, а для меня, признаюсь, подобная деятельность — неэффективная трата времени. Я стараюсь выжить сам и спасаю жизни людей, мисс Шорингфилд. Такова реальность.

— Что ж, теперь у вас есть я.

Слова слетели с языка, прежде чем она успела подумать. Охватившее смущение и внутренняя дрожь заставили ее расправить плечи. Пожалуй, она позволила себе лишнее.

Доктор Лоуренс отвернулся и коснулся воротника сорочки.

— Вы, несомненно, убедили меня дать вам работу, — произнес он. — Что же касается замужества...

— По сути, это одно и то же.

— Однозначно нет. Не знаю, за кого вы меня принимаете, мисс Шорингфилд, но отношения — интимные — с ассистенткой я бы себе никогда не позволил. Это унизительно.

По его виду она бы не сказала, что он так думает. Он был скорее взволнован, возбужден.

Возможно, растерян.

Определенно, со вчерашнего вечера он много думал о том, что даст ему брак. Джейн должна была бы обрадоваться его выводу, что близость в их случае неуместна и нежеланна, но вместо этого снова ощутила, как краска заливает щеки. Разумнее всего поставить точку в этом вопросе раз и навсегда.

Джейн сняла очки и потерла о платье.

— Насколько я понимаю, консумация необходима для подтверждения подлинности союза.

Доктор Лоуренс закашлялся, резко повернулся и посмотрел прямо ей в глаза.

— Полагаю, да, — пробормотал он.

— Уверена, мы найдем способ соблюсти закон и организовать жизнь так, как считаем нужным. Если же вы полагаете, что вчера вечером я неверно выразилась...

Ее заставил прерваться громкий стук во входную дверь, за которым послышались трезвон колокольчика и тяжелые торопливые шаги мистера Лоуэлла. Вскоре из холла донесся приглушенный крик. Волнение исчезло с лица доктора, — впрочем, как и остальные эмоции. Оно застыло, а взгляд стал острым и серьезным.

— Мисс Шорингфилд, — произнес он совершенно незнакомым голосом, — пожалуйста, отправляйтесь в операционную, оставьте обе двери открытыми. Там фартуки и халаты, приготовьте по одному для меня.

— Я...

Входная дверь с шумом распахнулась, послышался суровый окрик:

— Торопитесь, мисс Шорингфилд!